

ЭТНОКУЛЬТУРЕМЫ В КОНЦЕПТОСФЕРЕ ПИСАТЕЛЯ-БИЛИНГВА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ГУЗЕЛЬ ЯХИНОЙ «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»)

О. В. Арязмова

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 7 сентября 2015 г.

Аннотация: статья посвящена проблеме описания художественной концептосферы билингвальной языковой личности. Исследование выполнено на материале романа русско-татарского прозаика Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза». Целью исследования является описание специфики этнокультурем, репрезентируемых в тексте романа. Представлена характеристика этнокультурных концептуальных сегментов и отдельных типов этнокультурем; отмечаются особенности взаимодействия лингво- и этнокультурем в концептосфере писателя-билингва.

Ключевые слова: текст, концептосфера, билингвальная языковая личность, этнокультурные концептуальные сегменты, этнокультурема.

Abstract: the article describes the artistic conceptual sphere of a bilingual writer. The study was performed on the novel «Zuleykha opens her eyes» written by the Russian-Tatar novelist Guzel Jakhina. The aim of the study is to describe the features of ethnic culturemes represented in the text of the novel. The paper outlines characteristics of ethno-cultural conceptual segments and certain types of ethnic culturemes; it also focuses of the features of the interaction between linguistic and ethnic cultural meanings in the conceptual sphere of the bilingual writer.

Key words: text, conceptual sphere, bilingual person, ethno-cultural conceptual segments, ethnic cultureme.

Понятие «концептосфера», наряду с термином «концепт», активно используется не только в пределах когнитивной лингвистики, но и в других, смежных и интегрированных гуманитарных областях – в литературоведении, культурологии, социологии, политологии и др. Однако, несмотря на то, что данная номинация используется в составе широкой парадигмы (ср. концептосфера романа, концептосфера социума, концептосфера личности, индивидуально-авторская концептосфера, концептосфера как модель сознания автора и др.), в современной отечественной и зарубежной науке по-прежнему отсутствует его однозначное толкование.

Как известно, одним из основных источников пополнения национальной концептосферы становятся разнообразные тексты культуры. (См. точку зрения Д. С. Лихачева по поводу источников национальной концептосферы языка [1, с. 3–9].)

Художественный текст, созданный писателем-билингвом, обладает этнокультурной маркированностью, свидетельствующей о принадлежности автора к так называемому «другому», «чужому» социуму и «иной» культуре, и, следовательно, репрезентирует отнесенность к инокультурной художественной концептосфере.

Концептосфера писателя-билингва представляет собой динамическое образование, в которой особую значимость приобретают этнокультурные средства репрезентации: языковые вкрапления, безэквивалентная лексика, экзотизмы, этнографизмы, прецедентные инокультурные источники и др.

По поводу выделения основных языковых единиц, маркирующих особенности этнокультурной концептосферы, мнения лингвистов несколько расходятся. Например, В. И. Карасик с этой целью предлагает понятие «этноспецифический концепт» [2, с. 84–93], Е. И. Диброва – «этноидиолектный концепт» [3], И. В. Шапошникова – «этнокультурная доминанта» [4], А. П. Седых – «этнокультурные при знаки» [5].

У. Л. Сагнаева, вслед за И. В. Шапошниковой, обращает внимание на определенные языковые средства представления этнокультурного опыта и предлагает использовать понятие «этнокультурная доминанта», т.е. «цельная концептосфера, которая включает в себя различные ценностные ориентиры (религиозные, моральные, идеологические или военнополитические), модифицирующие исходное этнокультурное многообразие таким образом, что на его основе в ходе развития этноса рождается новое этническое сознание» [6].

Считаем, что определенным смысловым звеном, связывающим культурные и когнитивные концепты и одновременно репрезентирующим концептуальную картину мира (концептосферу), является понятие «лингвокультурема», введенное в научный обиход В. В. Воробьевым: «Лингвокультурема включает в себя сегменты не только языка (языкового значения), но и культуры (внеязыкового культурного смысла), репрезентируемые соответствующим знаком» [7, с. 44–45].

Н. Ф. Алефиренко отмечает, что введение понятия «лингвокультурема» позволяет развести такие смежные феномены, как картина мира, языковая картина мира и этноязыковое сознание [8].

А. Ж. Бахралинова также дифференцирует понятия «концепт» и «лингвокультурема»: «Если концепт является дискретной единицей, вбирающей в себя различные смыслы, которые опредмечиваются в языковой форме, то лингвокультурема – это комплексная единица, поскольку представляет собой единство лингвистического и экстралингвистического содержания [9, с. 11].

Как пишет Г. А. Кажигалиева, «лингвокультурема приобретает выраженные смысловые сущности от художественного текста как целостной системы, а также то, что лингвокультурологическая единица может обладать указанными смысловыми сущностями и тогда, когда она определенным образом автономна по отношению к художественному тексту как целому и не входит в это целое» [10].

Считаем, что в художественном тексте, созданном писателем-билингвом, лингвокультуремы формируют характерное идиолектное поле, входящее в состав концептосферы языковой личности автора, в котором находят отражение определенные фрагменты и/или кванты культуры, обогащенные этноспецифическим содержанием, – этнокультуремы.

Художественный текст, созданный писателем-билингвом, отличается этнокультурной маркированностью языкового/речевого материала, что свидетельствует об уровне владения родным языком (например, на фоне языка неродного) и определяется особенностями репрезентации этнокультурного сознания автора в конкретной сфере, в нашем случае – литературно-художественной.

Роман русскоязычной писательницы Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» [11], вошедший в шорт-лист национальной литературной премии «Большая книга 2015», насыщен разнообразными лингво- и этнокультуремами.

Главное культурное достоинство этого произведения, на наш взгляд, точно определяет Людмила Улицкая: «Этот роман принадлежит тому роду литературы, который, казалось бы, совершенно утрачен со времен распада СССР. У нас была прекрасная

плеяда двукультурных писателей, которые принадлежали одному из этносов, населяющих империю, но писавших на русском языке. Фазиль Искандер, Юрий Рытхэу, Анатолий Ким, Олжас Сулейменов, Чингиз Айтматов... Традиции этой школы – глубокое знание национального материала, любовь к своему народу, исполненное достоинства и уважения отношение к людям других национальностей, деликатное прикосновение к фольклору. Казалось бы, продолжения этому не будет, исчезнувший материк. Но произошло редкое и радостное событие – пришел новый прозаик, молодая татарская женщина Гузель Яхина и легко встала в ряд этих мастеров» [11, с. 5].

О национально-культурной составляющей романа написала также литературный критик Галина Юзефович: «На дворе стоит страшный 1930 год, и тридцатилетняя Зулейха, тонкая, маленькая и зеленоглазая, уже 15 лет замужем. Ее муж («какого хорошего человека Аллах послал») старше ее на 30 лет и практикует по отношению к жене шариатские нормы брака во всем их культурном своеобразии. Тяжелый безнадежный труд, побои, оскорбления – все это «женщина» (именно так – без имени – к Зулейхе обращаются дома) считает своей нормальной обыденной жизнью, за это держится из последних сил даже тогда, когда в их глухой татарской деревне начинают всюду задувать безжалостные ветры эпохи. Коллективизация уносит и ненавистного Муртазу, и садистку-свекровь, а саму Зулейху – бесприютную, одинокую и совершенно не подготовленную – выбрасывает в огромную новую жизнь. И эта новая жизнь – ледяной сибирский ад, уготованный советской властью для раскулаченных, – внезапно оказывается заметно лучше той, которую Зулейха вела до сих пор. Для нее открывается целый мир – любви, материнства, самостоятельных решений и всего того, о чем на протяжении первых 30 лет жизни она попросту не имела понятия» [12].

Обратимся к тексту романа Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» и попытаемся определить, какие именно концептуальные сегменты маркируют билингвальную языковую личность автора и каким образом в структуре повествования функционируют и взаимодействуют различные этнокультуремы.

Первый концептуальный сегмент составляют безэквивалентные национально-маркированные единицы, так называемые «этнографизмы», как правило, представляющие собой бытовые реалии: а) предметы, используемые в быту, в хозяйстве: камча («кнут, плетка»), каплау («покрывало»), кашага («подзор по краю матицы в избе»), киштэ («полка под потолком для складирования постельных принадлежностей»), лэгэн («таз»), лэукэ («полка в бане»), сяке («большая лавка, широкие нары»), табан («стол, место приема пищи»), тастымал («длинное вышитое полотенце»),

чаршау («занавеска»), чыбылдык («занавеска»); б) одежда, обувь: кульмэк («платье, рубаха»), кота («короткие домашние валенки», малахай («широкий кафтан без пояса»), чыба («верхняя демисезонная одежда, суконный чекмень»), тубетейка («национальный головной убор»), яга («род шубы, тулупа халатного покроя»); в) продукты питания, кушанья: коштеле («мучная сладость»), кызылык («конская колбаса») и др.

В романе данный концептуальный сегмент в основном представляют так называемые «татаризмы» (тюркизмы, пришедшие из татарского языка). Этнокультурная маркированность этого сегмента определяется этнической принадлежностью автора, его фоновыми знаниями и культурной пресуппозицией. Нужно также отметить, что в тексте романа данные слова в основном употребляются в первой части («Мокрая курица»), в котором рассказывается о жизни Зулейхи в татарской деревне Юлбаш, недалеко от Казани. Во второй части романа («Куда?») этнографизмы используются реже (например, кульмэк, тюрбан и др.), а в третьей части романа («Жить»), где рассказывается о жизни Зулейхи в глухом таежном поселке на Ангаре, безэквивалентная лексика используется крайне ограниченно.

Второй сегмент концептосферы языковой личности автора составляет лексика, маркирующая мифологические представления и верования. Данный сегмент репрезентирует архаическое, родовое, мифологическое сознание, отражающее особенности проявления традиционной культуры татарского этноса. Например, это мифологические и фольклорные персонажи: аждаха («дракон»), албасты («женский демонический персонаж в мифологии»), басу капка иясе («дух околицы»), бичура («домовой, низший дух»), дэв («злой дух, антропоморфный великан»), жалмавыз («мифологическая старуха-великанша, обжора и людоедка»), зират иясе («дух кладбища»), иясе («домовой, дух»), пэри («мифологический дух в образе девушки»), су-анасы («водяная»), убырлы карчык («кровожадная демоническая старуха, ведьма, упыриха»), фэрэштэ («ангел»), шурале («дух леса, леший»), юха («мифологическая змея, принимающая облик красивой женщины»).

Третий концептуальный сегмент репрезентирует национальные традиции и обычаи: калым («выкуп за невесту»), кереш («татарская национальная борьба»), Курбан (Курбан-байрам) («мусульманский праздник жертвоприношения»), кыз-куу («конная игра»), туй («праздник, свадьба»), Ураза (Ураза-байрам) («мусульманский праздник в честь окончания поста Ураза»).

Четвертый сегмент концептосферы составляют номинации, репрезентирующие предметы и реалии религиозного культа: лаяхэ («храняемая скрижаль» –

«настенный коврик с изречением из Корана»), михраб («молитвенная ниша в мечети»), таш («могильный камень»). Здесь отдельно следует выделить номинации, которые обозначают лиц, занимающих определенное религиозное и/или социальное положение: мулла («служитель религиозного культа у мусульман»), абыстай («супруга духовного лица»).

Все вышеперечисленные концептуальные сегменты этнокультурной лексики относятся к так называемым «мировоззренческим концептам», или «концептам культуры», по поводу которых Ю. Н. Кольцова пишет: «Это слова, обозначающие культурные категории, характерные для народа, говорящего на данном языке и являющегося носителем данной культуры (этнокультурема)» [13, с. 47].

Г. А. Кажигалиева разработала типологию, согласно которой выделяются: 1) прямые (непосредственные), 2) описательные и 3) фоновые текстовые лингвокультурема [10].

Мы, в свою очередь, на материале романа Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» попытались проследить, какие именно виды этнокультурема образуются в тексте и каким образом они маркируют языковую специфику билингвальной личности автора.

В концептосфере языковой личности автора мы предлагаем выделять 3 вида этнокультурема – смысловоразличительные, культурно-опосредованные, транспонированные.

1. Смысловоразличительные этнокультурема проявляют себя в определенном текстовом окружении (контексте), в котором они не только отличаются по значению, но и актуализируют различные культурные и этнические коннотации.

Так, в тексте романа используются такие смысловоразличительные номинации, как «лес» – «урман» – «тайга», среди которых этномаркированная номинация «урман» будет выступать в качестве текстовой этнокультурема.

Известно, что номинация «лес» является для многих народов универсальной (исключение составляют только те случаи, когда слово «лес» является лакуной), и поэтому не обладает вне контекста этнокультурной спецификой.

Однако в следующем фрагменте романа номинация «лес» обогащается лингвокультурным содержанием: «Лес возле Юлбаша хороший, богатый. Летом кормит деревенских крупной земляникой и сладкой зернистой малиной, осенью – пахучими грибами. Дичи много. Из глубины леса течет Чишмэ – обычно ласковая, мелкая, полная быстрой рыбы и неповоротливых раков, а по весне стремительная, ворчащая, набухшая талым снегом и грязью. Во времена Большого голода только они и спасали – лес и река. Ну и милость Аллаха, конечно» [11, с. 17–18].

В тексте романа оппозиция «лес – урман» дифференцирует особенности употребления данных реалий: «...Лес заканчивался – начинался дремучий **урман**, буреломная чащоба, обиталище диких зверей, лесных духов и всякой дурной нечисти. Вековые черные ели с похожими на копыта острыми вершинами росли в урмане так часто, что коню не пройти. А светлых деревьев – рыжих сосен, крапчатых берез, серых дубов – там не было вовсе.

Говорили, что через **урман** можно прийти к землям мариЙцев – если идти от солнца много дней подряд. Да какой же человек в здравом уме решится на такое?! Даже во времена Большого голода деревенские не смели преступать за границу Крайней поляны: объели кору с деревьев, перемололи желуди с дубов, разрыли мышьи норы в поисках зерна – в урман не ходили. А кто ходил – тех больше не видели» [11, с. 18].

Лингвокультурема «**тайга**» также выступает в составе семантической оппозиции «урман – тайга»: «Осторожно высвобождает руку из-под его головы, опускает босые ноги на прохладный с ночи пол, кладет на подушку свой платок: сын надумает просыпаться, потянется лицом – уткнется в ее запах и поспит еще немного. Не глядя, снимает с гвоздя пиджак, торбу, ружье. Толкает дверь – в комнату врывается птичий гомон, шум ветра – и тихо выскальзывает вон. Обувается в сених в кожаные поршни (бабка Янипа мастерил из лосиной шкуры), наскоро переплетает косы и – вперед, **в урман**» [11, с. 386].

«...Весной и летом носила **из тайги** жирных тетеревов, тяжелых гусей с толстыми упругими шеями; пару раз посчастливилось подбить косулю, а однажды даже – трепетную пугливую кабаргу; на зайцев ставила силки, на лис – капканы (привезли по заказу артели из центра). За пушниной – белка, колонок, изредка соболь – ходила только зимой, когда зверь выкунит, покроется густой лоснящейся шерстью» [11, с. 387].

Таким образом, в тексте романа номинации «лес» – «урман» – «тайга» не только разграничиваются по смыслу (лес – «хороший, богатый; источник спасения от голода»; урман – «опасный, запретный;местилище злых духов и нечисти; символ смерти»; тайга – «источник охоты и пропитания»), но и обладают лингвокультурным содержанием. Лексема «урман» является смыслообразительной этнокультуремой, которая выполняет функцию символа.

2. Культурно-опосредованные этнокультуремы опираются на определенные фоновые знания и/или культурную пресуппозицию. В процессе их создания самое непосредственное участие принимают так называемые «этнокультурные маркеры языкового сознания» [14, с. 13, 20–30].

В романе к этому типу этнокультурем будут относиться разнообразные этноспецифические средства: устойчивые языковые, национально-этикетные и религиозные формулы (например, формулы, связанные с поминанием Аллаха); контактоустанавливающие средства, культурные символы; средства ономастикона (например, этнографические номены, этнические онимы и др.); фразеологизмы и паремии; а также вербализуемые прецедентные феномены и др. Данные номинации составляют самый большой этнокультурный сегмент концептосферы автора.

В текст романа этнокультурные номинации, как правило, включаются при помощи курсива (например, *шурале*, *су-анасы*, *юха*, *аждаха*, *дыв(ы)*) и сопровождаются авторским лексикографическим материалом (в конце романа приводится словарь татарских слов и выражений) [11, с. 595–597].

Среди этнокультурных номинаций особую значимость приобретают те, которые репрезентируют архаическое, родовое, мифологическое сознание татарского этноса. В этом случае культурно-опосредованные этнокультуремы обогащаются мифологическим содержанием:

«Зулейха пересказывала сыну все слышанные в детстве от родителей сказки и легенды: про длиннопалых лохматых *шурале*, до смерти щекочущих запоздалых лесных путников; про лохматую водяную *су-анасы*, что добрую сотню лет не может расчесать свои космы золотым гребнем; про оборотня *юху*, который днем превращается в прекрасную девушку и соблазняет юношей, а по ночам выпивает из них жизненные соки; про огнедышащих драконов *аждаха*, что прячутся на дне колодца и пожирают пришедших за водой женщин; про глупых и жадных *дэвов*, похитителей невест; про могущественного узкоглазого Чингисхана, завоевавшего половину мира, а вторую половину ввергнувшего в страх и трепет; про его почитателя и последователя Хромого Тимура, разрушившего дотла добрую сотню городов и отстроившего взамен всего один – блистательный Самарканд, над которым в любую погоду сияют с вечно голубого неба огромные золотые звезды... История про волшебную птицу Семруг была у Юзуфа любимой» [11, с. 398–399].

В концептосфере писателя-билингва смыслообразительные и культурно-опосредованные этнокультуремы взаимодействуют между собой, при этом более яркой степенью этноспецифичности обладают культурно-опосредованные культуремы, придавая повествованию одновременно и этнокогнитивное, и этнокультурное содержание.

3. Особый тип этнокультурем составляют, на наш взгляд, **транспонированные**, т.е. перенесенные из другого языка. В романе таковыми являются, например, неологизмы «*ячейка*», «*колхоз*» (в тексте романа

– «ящейка», «калхус»). (О так называемом «импорте концептов» см. В. И. Карасик [2, с. 176–186]; в свою очередь, И. В. Привалова характеризует различного рода заимствования как «этнокультурные маркеры языкового сознания лингвоэкологического типа» [14, с. 7, 12–13, 30–35].)

Как уже было сказано, в романе неологизмы «ящейка» и «калхус» сознательно воспроизводятся автором искаженно и передают не только недостаточную степень освоенности данной лексемы со стороны инокультурного этноса, но и демонстрируют отношение субъекта речи к этим реалиям:

«Зулейха садится на сяке, подставляет разгоряченное лицо порывам ветра из разбитого окна. Это проделки Мансурки-Репья и его нищелюбодов из *ящейки*, не иначе. Не раз они ходили по дворам, агитировали в *калхус*, ругались с народом. Плакатами весь Юлбаш завесили...» [11, с. 61–62].

В тексте романа этнокультурные реалии, как правило, взаимодействуют, приобретая при этом особые коннотации. Так, неологизм «*продразверстка*» на фоне таких этнокультурных, как *албасть*, *дэв*, *жалмавыз*, обогащается коннотациями («ненавистная», «страшная», «жестокая»):

«Она ставит керосинку на пол. Мешков – меньше, чем пальцев на руках. И каждый – худой, с дряблыми обвисшими боками. Рассыпать зерно из одного мешка по нескольким научились еще в девятнадцатом, как только подступила к Юлбашу тогда еще неведомая, но с каждым годом становившаяся все страшнее, как *албасть*, прожорливее, как *дэв*, ненасытнее, как *жалмавыз*, – *продразверстка*...» [11, с. 47].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что этнокультурные являются специфическими и уникальными знаками в концептосфере писателя-билингва, определяющими национальное своеобразие, эстетическую значимость и информативность инокультурного художественного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 52, № 1. – С. 3–9.

2. Карасик В. И. Этноспецифические концепты / В. И. Карасик // Языковая личность : культурные концепты : сб. науч. трудов. – Волгоград ; Архангельск : Перемена, 1996. – 259 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Арзамова О. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы

E-mail: arzyamovyu@yandex.ru

Тел.: 8-960-139-44-77

3. Диброва Е. И. Этноидиолектный концепт в квантово-лексикографической интерпретации / Е. И. Диброва // Известия Южного федерального ун-та. Сер.: Филологические науки. – 2010. – № 4. – С. 42–50.

4. Шапошникова И. В. Для чего нужны концепты и концептосферы? (Размышления о филогенезе мировоззрения и возможностях его исследования) / И. В. Шапошникова // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – Т. 5, Вып. 2. – С. 103–117.

5. Седых А. П. Этнокультурные характеристики языковой личности (на материале французской языковой личности) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. П. Седых. – Саратов : Саратов. гос. ун-т, 2005. – 44 с.

6. Сагнаева У. Л. Категория этнокультурной доминанты и методы ее изучения / У. Л. Сагнаева // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – Т. 5, Вып. 1. – С. 31–39.

7. Воробьев В. В. Лингвокультурология : учеб. пособие / В. В. Воробьев. – М. : Изд-во РУДН, 2006. – 332 с.

8. Алефиренко Н. Ф. Картина мира и этнокультурная специфика слова / Н. Ф. Алефиренко // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. – 2009. – № 4. – С. 5–9.

9. Бахралинова А. Ж. Функционирование лингвокультуремы в сознании билингвов, владеющих русским языком : теоретико-экспериментальное исследование : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Ж. Бахралинова. – Кемерово : Кемер. гос. ун-т, 2013. – 24 с.

10. Кажигалиева Г. А. О системе текстовых лингвокультурем / Г. А. Кажигалиева. – Режим доступа: <http://philology-and-culture.kpfu.ru/?q=node/260>

11. Яхина Г. Ш. Зулейха открывает глаза : роман / Г. Ш. Яхина ; предисл. Л. Улицкой. – М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015. – 508 с.

12. Юзефович Г. Л. Следы на воде, Зулейха и завидное чувство Веры Стениной / Г. Л. Юзефович. – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2015/05/29/sledy-na-vode-zuleyha-i-zavidnoe-chuvstvo-very-steninoy>

13. Кольцова Ю. Н. Концепт как категория семантической категории перевода / Ю. Н. Кольцова // Вестник Моск. ун-та. Сер. 22.: Теория перевода. – 2008. – № 4. – С. 37–48.

14. Привалова И. В. Языковое сознание : этнокультурная маркированность (теоретико-экспериментальное исследование) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И. В. Привалова. – М. : Ин-т языкознания РАН, 2006. – 52 с.

Voronezh State Pedagogical University

Arzyamova O. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature Department

E-mail: arzyamovyu@yandex.ru

Tel.: 8-960-139-44-77